

Экспресс - Лима - Ата - 1992 - 16 окт - с 9

МИМИ: МОЙ МАЛЬЧИК ДЖОН

Был только один Джон Леннон и лишь одна в мире тетя Мими — миссис Мэри Элизабет Смит. Женщина, которую он называл просто Мими, которая была с ним практически все 40 лет. Женщина, которой он писал 10-страничные письма из Нью-Йорка и часами говорил с ней по телефону. Женщина, бывшая ему больше чем матерью. Она умерла год назад, но сохранились ее воспоминания. «Единственный раз я раскрываю свое сердце миру. Я хочу, чтобы мир узнал истинного Леннона. Делаю это потому, что устала слушать сплетни о Джоне», — говорила она газете «Ливерпуль Экхо». Сегодня мы публикуем фрагменты ее воспоминаний.

ЛИВЕРПУЛЬ

«Даже если я не живу в Ливерпуле, мое сердце по-прежнему там. И Джон был таким же. Он постоянно интересовался, что происходит в нашем городе: что изменилось, а что осталось прежним. За день до убийства он позвонил мне и сказал: «Сейчас я смотрю из окна на корабельные доки. Интересно, какой из этих кораблей плывет в Ливерпуль? Знаешь, Мими, я хочу вернуться». Поэтому меня возмущают те чужовицы, которые распускают сплетни, что Джон забыл о своем городе и ничего не делал для него. Говорят, будто он ни разу не возвращался в Ливерпуль, но это неправда! Хотя об этом никто не знает, он возвращался туда много, много раз! Джон заботился о городе, но не кричал об этом на каждом углу. Он перечислял огромные деньги, чтобы помочь Ливерпулю, а сейчас муниципалитет делает вид, что этого не было!»

ДЕНЬГИ

«Люди думают, что у меня полно денег, потому что я — тетя Леннона. Только взгляните — я постоянно получаю письма с просьбами выделить средства на благотворительность: от помощи детям-сиротам до ремонта дома местного викария! Я вам скажу одну вещь... Джон был очень наивен в финансовых вопросах: он часто просто брасывал деньги на ветер или отдавал разным шарлатанам. Его никогда не беспокоило, сколько у него есть денег».

Она берет с полки одну из последних открыток, полученных от Джона на Рождество, улыбаясь, разглядывая в сотый раз его комический рисунок. Йоко, Шон и он сам. «Вот в этом он весь... Только послушайте: «Счастливого Рождества! Мы желаем тебе здоровья! Богатства?! Мудрости???! И времени насладиться этим. С любовью, Джон, Йоко, Шон».

«Он всегда поздравлял меня с Рождеством, ему это нравилось, и он любил делать подарки, но уж очень дорогие! Меня это постоянно возмущало. Например, чтобы отметить выход своего альбома «Двойная фантазия», он выслал мне жемчужное ожерелье, да еще и в серебряной коробке! Он был транжирой. Я позвонила ему и сказала об этом. Сказала, что не хочу

дорогих подарков, но он лишь засмеялся и ответил: «Ну давай, Мими, злись. Благо — повод есть!» Вот таким он был заботливым, но задирой...»

БРАЙАН ЭПШТЕЙН

Газетные сплетни о том, что Леннон был бисексуалом, шокируют Мими: «Прежде, чем печатать такую ерунду, нужно подумать о его семье! И задуматься, действительно ли это правда. Не думаете ли вы, что после 40 лет я не знала Джона?! — Люди, которые говорят такие вещи, — негодяи из негодяев. Они говорят, что Джон «дружил» с Брайаном Эпштейном. Это ужасно. Я знаю, что Брайан был гомосексуалистом, но он и Джон были лишь хорошими друзьями. Они любили говорить об искусстве, потому что оба обладали высоким интеллектом. Конечно, Джон знал о проблемах Брайана, но даже сам, порой, подшучивал над ним».

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ К ЖИВОТНЫМ

«Это был еще один секрет, который Джон скрывал от мира: он обожал кошек. Когда он был ребенком, то вечно подбирал бродячих котят, прятал их под свитер, приносил домой и притворялся, что они сами сюда пришли. Вот так у нас и появился Тим — бело-коричневый наполовину персидский кот, которого Джон притащил однажды зимним вечером. Был сильный снегопад, котенок весь обледел и выглядел жутко несчастным. Джон сказал, что кот сам к нему привязался, но я-то знала, что он просто подобрал где-то этого заморыша. Он стал умолять меня оставить котенка. Я согласилась только после того, как мы поместили объявления во все местные газеты, разыскивая хозяев. Но никто не откликнулся, и Тим стал частью нашей жизни. Он жил у нас 20 лет и был любимчиком Джона. Он переехал в Борнмут из Ливерпуля вместе со мной и никак не мог привыкнуть к морю: сидел и часами смотрел на волны, не понимая, что это такое. Джон всегда спрашивал, что делает Тим, когда был в отъезде. Можете себе представить? — Леннон, «жесткий парень», спрашивает о кошке! Теперь вы видите, как далек был истинный Джон от своего имиджа. Однажды он рассказал

мне, как гуляя по нью-йоркской улице, он увидел бродячего котенка и вспомнил, как нашел Тима. И он взял котенка с собой в «Дакоту».

ДЕТСТВО

Мими говорит, глядя на детские фотографии Джона: «Взгляните, у него были совсем светлые волосы! Тогда, в те годы, он был счастлив. Любили играть в ковбоев и индейцев, да и на всю жизнь, по характеру, остался индейцем. Он был счастлив с нами, и поэтому так обидно слышать или читать, что в детстве Джон был никому не нужен и одинок. Лучше прочтите, что он сам об этом писал!»

Она достает одно из писем, написанных им из Нью-Йорка: «Мими, я очень люблю тебя и благодарен от всего сердца за твою любовь и доброту во все те годы. Твой лунатик-сын».

«Мы всегда были как мать и сын, и оба любили моего мужа — Джорджа. Когда Джон научился читать, он часами сидел у него на коленях, читая вслух слова из газет. Джон схватывал все на лету, но ленился в школе. Он не хотел учить математику и другие точные науки, но зато любил географию, историю, английский и, конечно же, рисование. Он закрывался в своей комнате, где читали сочинял стихи. Когда у него появилась гитара, стихи сменились песнями. Знаете, как рождались ранние битловские песни? — Джон и Пол

через каждые пять минут перезванивались по телефону, предлагая очередную строчку или аккорд. Эти телефонные звонки сводили меня с ума!

Джон был в Шотландии, когда умер дядя Джордж. Я вызвала его домой и рассказала об этом. Он лишь взглянул на меня и молча ушел в свою комнату. Я никогда не видела его слез.

Он стал бунтарем не из-за неприязней в семье. Думаю, он унаследовал это от Джулии и, частично от меня.

Когда Джон повзрослел, он часто приходил ко мне. Мы пили чай и разговаривали порой ночи напролет. Нам всегда было о чем поговорить. Он любил спрашивать моего совета, с интересом выслушивал мое мнение, даже когда уехал жить в Нью-Йорк».

ТИПИЧНЫЙ ДЖОН

«Я знала, что он когда-нибудь станет знаменитым, но мне казалось, что он будет художником, а не музыкантом.

Джон был вынужден многое скрывать от публики. Он всегда верил в мир и любовь, и это не было фальшью, но многое другое было выдумкой. Например, имидж «жесткого парня». На самом деле он был совсем другим, его было легко обидеть даже одним словом, настолько он был чувствительным. Он мог забыть про чей-то день рождения, но только попробуй забыть про его!

Он тут же звонил и говорил: «Где моя открытка, где мой подарок?!». И еще он очень любил детей. Построил в своем доме огромную детскую и как-то сказал мне, что хочет иметь шестерых детей. Но этому не суждено было сбыться, и поэтому он был так привязан к Шону. В последние пять лет Джон отошел от музыки, чтобы Шона не угнетало то, что его папочка — знаменитость».

«И еще одно — говорит Мими, подняв указательный палец. — Джон был по-своему религиозен. Не сомневайтесь, хотя так и не принято считать. Может быть, его религиозность выражалась иначе, чем у других, и была более скрытой, но она была в нем. Не давайте его поведению и словам одурачить себя. И запомните раз и навсегда: у него никогда не было так называемого «ливерпульского акцента», присущего рабочим. «Герой рабочего класса»? — О, Боже! Да он всегда был среднелассовым снобом! Акцент был лишь рекламным трюком для «Битлз». У Джона была правильная, культурная речь, и он никогда не был рабочим. Одна мысль о физическом труде привела его в ужас, когда он был исключен из колледжа! Вместо этого он предпочел играть на гитаре и всегда говорил, что в этом ему повезло, но свое бунтарство выражал, отождествляя себя с рабочим классом.

Когда он вырос, я всегда старалась привить ему чувство коллективизма. Может быть, это и удалось: послушайте «Imagine».

Он звал меня в Нью-Йорк. Говорил, что у него прекрасная квартира, и хотел, чтобы я жила с ними, но я отказывалась, потому что никогда не смогу уехать из Англии. Нью-Йорк казался жестоким, полным насилия. Джон злился: «Да тут все спокойно, Мими! Не верь этой чепухе в газетах!». Видите, как все получилось...

Джон всегда был немного сентиментален. Он часто звонил и просил выслать какие-то вещи. Все, что я могла отыскать: наш старый будильник, его детские фотографии... Однажды я спросила, зачем ему все это. Он долго молчал, а потом сказал, что хочет показать Шону, «откуда он вышел». Однажды Джон был в восторге, когда я нашла его детские стихи, написанные на клочке газеты, и потребовал поскорее прислать их. А еще я видела в газете его фотографию в Нью-Йоркском центральном парке, в 80-м году. На ней он — в своем старом школьном галстуке! Эти старые вещи многое значили для Джона...»

«Почему люди не могут вспоминать его таким? Почему они хотят все обогатить и уничтожить? Я не дам им оклеветать Джона! Он был прекрасным человеком. Его семья и настоящие фэны знают это. Им он оставил свою музыку, а мне — лишь воспоминания. Но пока они у меня есть, я не дам людям поверить лжи и грязным сплетням. Есть еще много людей, которым он дорог.

Скажите это своим читателям. Сделайте это для Мими...»

Перевела Мария ТРЕСКУНОВА.

16.10.92 260
Леннон Д.